

Валерий Худяков

АРМЯНСКИЙ
ИЗЛОМ

Валерий Худяков
Армянский излом

«Издательские решения»

Худяков В. Н.

Армянский излом / В. Н. Худяков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934047-4

Повесть «Армянский излом» посвящена событиям, происходившим в Армении в течение первых месяцев после землетрясения 1988 года, в которых автор принимал непосредственное участие. В повести рассказывается о ликвидации последствий стихии, об организации помощи армянскому народу со стороны братских республик Советского Союза и Международного Красного Креста. Фамилии и имена некоторых участников описываемых событий вошли в повесть без изменений. Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-44-934047-4

© Худяков В. Н.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
В КОМЕ	7
ЗАДАНИЕ	12
НОСТАЛЬГИЯ (калейдоскоп странствий)	17
В ЕРЕВАНЕ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Армянский излом

Валерий Николаевич Худяков

Дизайнер обложки Анна Сергеевна Кутепова

© Валерий Николаевич Худяков, 2018

© Анна Сергеевна Кутепова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-4047-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Весть о катастрофе, происшедшей седьмого декабря тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года в Армении, мгновенно облетела весь цивилизованный мир. Мощное землетрясение унесло, по официальным данным, более двадцати пяти тысяч человеческих жизней, сто сорок тысяч человек стали инвалидами и более пятисот тысяч жителей Республики остались без крова. В результате стихии был полностью разрушен город Спитак, серьезно пострадали города Ленинакан, Кировакан, Степанаван, а также поселки и села на территории этих районов.

Правительством Советского Союза в течение одного дня были приняты исчерпывающие меры по организации спасательных работ. Десятого декабря в республику прибыл первый секретарь ЦК КПСС Горбачев. В Армению были направлены технические войсковые соединения, спасательная техника. На место трагедии вылетели представители ведомств, отвечающих за организацию спасательных и восстановительных работ в отведенных для каждого из них районах. Международный «Красный Крест» буквально за три дня сумел организовать поступление в Армению гуманитарной помощи населению, а также обеспечил наиболее пострадавшие районы модульными пунктами питания. В спасательных и восстановительных работах приняли активное участие все братские Республики Советского Союза, за одним исключением. В связи с предшествующими событиями в Сумгаите и Нагорном Карабахе Армения отказалась от помощи Азербайджана. Основная нагрузка легла на плечи Российской Федерации, в первую очередь на строительные Министерства и Объединения.

В КОМЕ

...Славин лежал на расстеленном брезенте с закрытыми глазами без сознания, сквозь толстый слой пыли, покрывшей все лицо, местами проступала кровь, но, главное, было видно, что он дышал, значит, был жив. Санитары бережно протерли ему салфетками лицо, накинули маску, аккуратно разрезали рукав его одежды, сделали необходимый укол, затем ловко переложили на носилки и, без лишних движений, загрузили в военную санитарную машину.

– Куда вы его повезете? – водитель Славина спросил солдата, санитаря, – что я должен сказать начальству на базе?

– Скажи, что бы обращались в Республиканский военный госпиталь, все сведения у них. Спасатели нам отдали сумку с его документами, они будут при нем, так что, найдете легко, – на ходу объяснил Виктору санитар с полевой сумкой через плечо, видимо, старший. Он сел в кабину санитарной машины, которая развозила спасенных из развалин по больницам и госпиталям...

«... Родной московский уютный двор на 4-й Тверской-Ямской улице. Лето 1947 года. Июльская жара. Незабываемый запах мокрого горячего асфальта. Бегаем с ребятами вокруг тети Кати, дворничихи, она поливает двор, и каждый хочет попасть под струю воды из поливочного шланга, а тетя Катя нет-нет, да ополоснет кого-то из спящей ребятни, остальные с шумом разбегаются, чтобы тут же снова собраться ватагой. Через высокую арку, со стороны 3-й Тверской, во двор входит незнакомый пожилой человек в выцветшей солдатской форме, с медалями на груди, с солдатским мешком за спиной и светло-коричневым кожаным саквояжем в руке. Его увидела тетя Катя, застыла с шлангом в руке, кричит ему через весь двор.

– Вася, здравствуй! Пришел, значит, живой! А мой Харис не вернулся, погиб в 42-м, в Сталинграде.

Солдат подошел к ней, поставил на землю саквояж, утешительно обнял одной рукой, тихо сказал какие-то, наверное, очень нужные, слова, потом что-то спросил. Тетя Катя, вытирая платком слезы, показала в мою сторону.

– Мальчик, а, мальчик, подойди-ка ко мне, – зовет незнакомый, – тебя как зовут?

– Сережа.

– А где ты живешь?

– Дом тринадцать, квартира пять, – браво отчеканиваю давно заученный адрес.

– А чей же ты будешь, Сережа? – солдат присел на корточки.

– Харютин, – называю фамилию Бабушки, так меня все во дворе знают.

– Харютин, говоришь? Ну, а Бабушка-то твоя дома?

– Дома, у неё сегодня выходной, а Мама поехала к Папе в гарнизон.

– А далеко этот гарнизон-то? – спрашивает солдат.

– Бабушка говорит, поездом надо добираться, а где, я забыл.

– Ну, веди меня к твоей Бабушке, – он протянул мне руку, и я, обхватив своей ручонкой один палец его большущей руки, повел солдата к нам домой. Бабушка, увидев солдата, громко вскрикнула, и потом они вместе, забыв обо мне, горько плакали, перебирая фронтовые письма их сына Анатолия, погибшего еще в 44-м в Белоруссии. Да это же мой Дедушка! – с радостью догадался я...»

– Ну, как у нас сегодня дела, Наташенька?

– Доброе утро, Петр Алексеевич. Ничего нового, у Славина давление в норме, пульс, правда, немного повышался, с 50 до 100.

– Ничего, ничего, надо ждать... Вы разговаривайте с ним, что-нибудь расскажите, он может Вас слышать.

«... Какие красивые цветы! Кажется, это георгины: тут и розовые, и красные, и белые, и даже черные в белую крапинку. А это гладиолусы! Мама любит выращивать цветы, особенно вот эти, большие. А вот и они сами, у отца в гарнизоне, среди цветов на скамеечке сидят – Отец и Мама, оба молодые. Отец в своей военной форме, с наградами на парадном мундире. Смеются и ничего мне не говорят...».

«... Школьная фотография, по-моему, четвертый класс. Любимая учительница Мария Леонидовна. Совсем седая. Рядом с ней девочки „любимчики“ – Галя Луцкая, Таня Паранина, Лариса Гришина, Света Ионина, Крупенина Света. В верхнем ряду мальчишки, крайний слева – Валера Луцкич, крайний справа – Володя Оноприенко, оба круглые отличники. Самый высокий в центре – Витя Киселев, мама у него инвалид, а отец погиб на фронте. Жили они в бараке, очень бедно. Помогали ему всем классом – дарили одежду, обувь, часто приглашали в гости, на ужин. Всматриваюсь в лица – помню всех до единого, даже тех, с кем всего год проучился. С некоторыми и сейчас в контакте, а про многих ничего не знаю. Как у них сложилось?...»

«... «Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом моих товарищей...». Меня принимают в пионеры, волнуюсь так, что не могу закончить «Торжественное Обещание», слова «застряли». «Комок» в горле не дает говорить, слезы подступают. Меня успокаивают, повязывают мне красный галстук. Пересилив волнение, читаю выученные к этому дню стихи:

«Как повяжешь галстук, береги его,
Он ведь с нашим знаменем цвета одного.
А под этим знаменем в бой идут бойцы,
За отчизну бьются братья и отцы»...»

– Петр Алексеевич, у Славина пульс под 140!

– Я вижу, вижу, – доктор посмотрел на ленту самописца, – это неплохо. Что-то его взволновало, сейчас должно пройти, следите внимательно за пульсом.

«... В большом зале на втором этаже выстроилась общешкольная линейка. Директор школы, Лев Гаврилович Мышкин, с глубоким прискорбием сообщает, что вчера, пятого марта, скончался наш „Вождь и Учитель“ Иосиф Виссарионович Сталин. Ученики слушают, склонив головы. Меня слегка подталкивает локтем Володька Зоткин, закадычный друг, стоявший первым с краю, шепчет мне на ухо: „посмотри на Шмака“. Гляжу на Женьку Шмакова, он стоит от нас через три или четыре человека. Женька скорбит. Его огромный нос, и без того всегда красный, сейчас сделался вовсе кумачовым и кажется, что упирается ему в грудь. Сначала мы с Вовкой тихо фыркнули, прикрыв ладонями свои рты, затем рассмеялись. Нас разобрал истерический смех. Сдерживаться уже было невозможно, и мы громко фыркали, зажимая ладонями рты. Мы не сразу заметили, что директор прервал траурную речь и направился вдоль всей линейки в нашу сторону. „Очнулись“ от смеха мы только тогда, когда Лев Гаврилович уже стоял перед нами и, молча, „расстреливал“ нас своим строгим директорским взглядом. В зале повисла зловеющая тишина. В следующую минуту он взял каждого из нас за воротник и так же молча, на глазах у всей школы, вывел на лестницу. Там, за дверью, директор тихо, почти шепотом, произнес: „вы негодяи, и отстраняетесь от занятий в школе до решения педсовета, а сейчас можете убираться, в нашей школе вам не место“. Педсовет состоялся через неделю. Вызывали родителей. В школе нас оставили, даже не исключили из пионеров. Ребята в классе, в основном, нам сочувствовали, но некоторые осуждали, особенно девочки. А в дальнейшем, когда все узнали, что в нашей стране был культ личности Сталина, нас с Вовкой стали в шутку называть „жертвами этого самого культа“...»

«... Снова наша школа. Это мы уже в восьмом классе. Праздничный день «Первое Мая». В школе никого, тихо. Мы с ребятами заперлись в школьном радиоузле, на втором этаже: Валера Луцик, Алик Репин, Коля Калинин. Слушаем вползвука зарубежную музыку с пленок «на ребрах». На столе бутылка портвейна, конфеты, синяя пачка модных ментоловых сигарет. «Гуляй, братва, праздник...». Вдруг, сильный и недобрый стук в дверь, голос сторожа: «немедленно откройте!». Музыка выключили, притихли. Сторож настойчиво и все громче требует открыть дверь: «сейчас позову директора, вам все равно придется открыть!». Катастрофа! Убираем все со стола, открываем окно. Этаж-то второй, но лететь метров пять, не меньше. Ну, кто первый? Летим по очереди вниз без парашютов. Никто не пострадал, и все прошло гладко...»

«... 1957-й год. На улице Горького полно народа. Люди восторженно шумят, стайками перебегая от автобуса к автобусу, которые медленно проезжают по Садовому Кольцу через площадь Маяковского. Окна автобусов полностью открыты, и из них на площадь выливаются солнечные улыбки. Это зарубежные делегации молодежи и студентов направляются в Лужники, на новый стадион им. Ленина, где сегодня состоится торжественное открытие Всемирного Фестиваля. Вот и я подбегаю к автобусу с делегацией из Африки. Волнуюсь. Впервые наяву вижу чернокожих людей. Да так близко! До этого только в кино видел певца Поля Робсона да Геркулеса, слугу пятнадцатилетнего капитана. С трепетом пожимаю протянутые из открытых окон черные, как перо ворона, руки восторженных африканцев, весело «сверкающих» белками глаз и обнажающих в улыбке белоснежные зубы. А вот проезжает Индийская делегация. Пожимая руки индийцам, люди громко скандируют: «Инди – Руси, Бхай – Бхай!». Делегация в автобусе хором повторяет эти слова. Всем весело. К площади приближается автобус с делегацией «Острова Свободы». Люди, окружившие его со всех сторон, громко скандируют на испанский манер: «Куба-Си! Янки-Но! И на русский: «Куба-Да! Янки-Нет!». Из какого-то автобуса слышна песня, рожденная на предыдущем фестивале в Бухаресте. Делегации на площади сменяют одна другую. Идет Московский фестиваль молодежи и студентов всего Мира...»

«... А это наша веселая строительная бригада одноклассников: Алик Вершинин, Валера Саньков, Валера Луцик, Коля Калинин, Саша Поляшов, Володя Оноприенко, Алик Репин. Во время летних каникул после восьмого класса мы за полтора месяца своими силами отремонтировали всю школу – от побелки потолков до покраски стен, пола и парт, и даже обновили отмостки вокруг всего здания. Заплатили нам по пятьсот пятьдесят рублей! Я тогда в магазине „Охотник“, на Неглинке, купил себе первое охотничье ружье – тульскую одностволку шестнадцатого калибра...»

– Как наш москвич сегодня? Не заговорил еще? Вижу, на ленте все стабильно, значит спокоен, никто не обидел. Что же, продолжаем наблюдать

«... Первое осторожное прикосновение резца к быстро вращающейся стальной заготовке. Как бьется сердце! Я – ученик токаря, работаю в первом механическом цехе станкостроительного завода „Красный Пролетарий“. Валя, девушка, токарь высокого разряда, моя первая наставница, впервые доверила мне самостоятельно проточить поверхность детали. Первый день настоящего взрослого мужского дела. И вот, с того дня минуло полгода. Весело, споро идет работа, блестящие готовые детали, горячие после обработки, как игрушки, одна за другой занимают места на поддоне. Станок работает ровно, надежно, причудливой спиралью вьется из-под резца голубоватая стальная стружка. Напротив моего станка в широком цеховом проходе уже недели две, каждое утро, ставит свой мольберт художник, рисует с натуры работу токаря. Незаметно для себя, начинаю иногда позировать, художник явно одобряет, демонстрируя большой палец. В перерыве меня окружают друзья. Смеются: „ну, Серега, пора нам, наверно, всем цехом очередь занимать в Третьяковку“, самому становится смешно...»

«... Третий год службы в Армии. Двадцать первый полк правительственной связи КГБ в Багратионовске. Мои дорогие друзья – однополчане. Я, заместитель командира отдельного взвода, на фото в первом ряду вместе со „стариками“. Рядом Володя Обухов, туляк, мечтал выучиться на дантиста, Женя Гонтарев из подмосковной Коломны, ребята из Полтавской области – Петя Евтушек, Жора Буряк. Всех помню. Замечательные мужики, надежные друзья. Нет-нет, да перекинемся открытками. Встречались редко, только в какой-то юбилей „дембеля“. Я рад снова видеть вас, ребята, молодыми и здоровыми. Юра Шибанов, москвич, большой книголюб, с фотографии машет мне рукой...»

– У Славина вторые сутки всё без изменений.

– Это не есть хорошо, Наташа. Лучше, чтобы его что-то сильно взволновало, предположим, прикосновение женской щеки к его лицу или нежный поцелуй.

– Вы меня извините, Петр Алексеевич, но я всё это уже проделала, еще вчера, мне Ольга Ивановна посоветовала. Никакой реакции.

– Ну что же, тогда нам остается только ждать.

«... Дочь моя, Маша, уже взрослая, школу заканчивает в этом году, а все держится за Мамину руку. Провозжают меня в экспедицию на Сахалин в аэропорту Домодедово. Гляжу на них, Машка красивая, похожа на Лену в этом возрасте. Лена, правда, и сейчас молодая, годы почти не коснулись ее внешности. Верная моя подруга, взвалила на себя такую ношу – ждать и переживать за меня, таежного бродягу. Вот и сейчас: « Береги себя, Сережа, мы будем за тебя переживать, мы тебя любим»...»

«... Вот идет навстречу будто бы знакомая мне женщина, с ней под руку парнишка лет пятнадцати, ростом с маму. Ближе, ближе. Боже мой! Да это же Татьяна Бондаренко! Таня! И паренек до боли знакомый. Узнаю, узнаю, вспомнил! Часто видел его на своих старых школьных фотографиях. «Так это что же получается, это я, что ли? Господи! Да ведь это же...». Боюсь произнести. Поравнявшись со мной, остановились. Татьяна улыбается, обнажая красивые зубы: «Здравствуй, Сережа. Как ты живешь? Как твоя дочурка? Работа? Вижу, ты почти не изменился, седой вот только. У меня все хорошо, живем на Украине, старший сын в военном училище, на летчика учится, решил пойти по отцовым стопам, а Сереженька вот, со мной. Скоро уж школу заканчивает, геологом хочет стать. Романтик.»

Нужно что-то очень важное сказать – не получается, застряли слова, дыхание перехватило, будто душит кто, сжимая горло. Пошли они дальше, мимо меня. Стою в оцепенении, гляжу им вслед. Таня что-то объясняет сыну, кивая головой в мою сторону. Наверное, рассказывает, что когда-то, пятнадцать лет назад, когда его Папа служил на Чукотке, Мама работала в лаборатории геологоразведочной организации вместе с этим мужчиной, отсюда и знакомство...»

– Ну вот, пожалуйста, опять пульс «разогнался», вот-вот выскочит наружу сердце-то, – доктор присел на стул рядом с кроватью, взял Славина за руку, – что же тебя так волнует, Сергей Николаевич? Когда же, наконец, ты нам что-нибудь расскажешь, дорогой? Пятые сутки пошли, пора уже, наверное, просыпаться. Как сам-то думаешь?

«... Какая-то речка..., узнаю, узнаю – Москва-река под Звенигородом! Люди собрались на том берегу. Господи! Да это же наши мужики с Чукотки. Машут мне руками, кричат: „давай, Серега, к нам в экспедицию! Что ты там на материке забыл?“ Не могу ответить, горло перехватило...»

«... Издалека вижу – кто-то сеть нашу обирает. Гляжу в бинокль: медведь, сеть порвал и сидит на косе, рыбу уплетает. Показываю жестами Ивану, что буду стрелять. Причаливаем к берегу, тихо прохожу за кустами, выхожу прямо на косу. Вот он, совсем близко. Морда здоровая, глазки маленькие, злые. Целюсь в лопатку, от выстрела медведь падает, успеваю сделать несколько шагов в его сторону, он вдруг вскакивает и на меня. Второй раз стрелять

*не успеваю, наваливается на меня всей своей лохматой плотью, дышит жаром. Как больно!
Что-то треснуло внутри, ни вдохнуть, ни пошевелиться. «Стреляй, Ваня!!!»...»...*

ЗАДАНИЕ

На седьмой день после Армянской трагедии генеральный директор Всероссийского Производственного Объединения Минспецстроя РФ Федор Григорьевич Лукин вызвал в свой кабинет главного геолога Славина.

Сергей Николаевич Славин,, кандидат геолого-минералогических наук, уже два года, как поступил на работу в качестве главного геолога во Всероссийское Производственное Объединение «Росспецстрой». Основной задачей в его работе было своевременное обеспечение промышленных предприятий региональных строительных Объединений на территории России запасами сырья для собственного производства строительных материалов. До этого Славин долгое время занимался научной тематикой, связанной с геологией угля и газа, затем работал геологом в разведочной экспедиции на Чукотке, и последние шесть лет в качестве старшего научного сотрудника в научно-исследовательском секторе Московского геологоразведочного института. После ухода из жизни научного руководителя, шефа-профессора, отношения с новым научным руководством, решившим переориентировать научное направление работы кафедры, у Славина, как и у большинства его коллег, не сложились. «Бодаться» Сергей не стал, и, по совету любимой жены, в корне изменил профиль работы. «Лучше уйди оттуда, Сережа, здоровье дороже, тебе ведь не тридцать лет, а уже к пятидесяти. Так что, побереги нервы, ты нам нужен здоровым», – убеждала его Лена. И надо сказать, Сергей за новое дело взялся с интересом, однако, ни на один день его не покидали воспоминания об исследовательском и экспедиционном этапе профессиональной карьеры. На новой работе ему приходилось бывать в командировках часто, но, обычно, на недолгий срок – на одну-две рабочие недели, редко когда на месяц. В семье такой регламент работы Папочки Сережи приветствовали. В коллективе Объединения Сергея воспринимали как крупного специалиста, руководство с его мнением считалось. Сергей старался не вникать в вопросы строительства, а занимался только строительными материалами.

Секретарь генерального директора, Маргарита Михайловна, кивнула головой вошедшему в приемную Славину в сторону кабинета.

– Ждет, – кратко сообщила она.

И как только Славин переступил порог кабинета, Лукин без всякого вступления озадачил его неожиданной командировкой.

– Тебе, Сергей Николаевич, необходимо немедленно вылететь в Ереван. Из Министерства звонили по твою душу. Думаю, понимаешь, в связи с чем. Конкретно объяснять ничего не буду. Задание и все инструкции по этой командировке получишь в здании Российского Госстроя, там образован штаб по событиям в Армении, сам Борисенко занимается. У нас только получишь командировку и деньги. Удостоверение отметишь в штабе, там ставят специальный штамп. Все.

– Федор Григорьевич, а когда я должен явиться в Госстрой?

– Сегодня, там тебя ждут. Бросай все и мчись полным ходом. Давай, Сергей, не теряй времени, удачи тебе.

Славин как никогда быстро оформил командировку, получил в бухгалтерии деньги, аж на целый месяц, и через два часа он уже был на Пушкинской улице. К зданию Госстроя России трудно было подойти. Протиснувшись сквозь строй почти вплотную припаркованных персональных машин, Сергей вошел в вестибюль первого этажа. Здесь была беспокойная деловая суета. Люди с озабоченными лицами торопливо сновали по большому залу, то исчезая в дверях кабинетов, то появляясь. С минуту постояв у входа, привыкая к рабочей обстановке, Сергей поймал за рукав первого попавшегося озабоченного человека.

– Извините, не подскажете, где штаб по организации работ в Армении?

– На втором этаже, вон указатель, – показал рукой озабоченный и заспешил продолжить броуновское движение.

Поднявшись по мраморной, покрытой красной ковровой дорожкой, лестнице на второй этаж, Славин увидел прямо перед собой дверь с табличкой «Приемная заместителя председателя Госстроя» и, чуть ниже, временную, состряпанную наспех, «Штаб Минспецстроя России по организации спасательных и восстановительных работ в Армении». Из-за двери приемной доносились деловые строгие интонации телефонного разговора. Подождав окончания разговора, Славин вошел в приемную. За широким секретарским столом, сплошь заставленным телефонными аппаратами, сидел заместитель министра Российского Минспецстроя Валерий Павлович Борисенко, знакомый Сергею по крупному совещанию, на котором шла речь об обеспечении строительными материалами безусловного выполнения Правительственной Программы «Дороги России». Сергей поздоровался.

– От Лукина? Славин? Заходите, я Вас жду, – Борисенко указал на стул, – присаживайтесь, сейчас я вкратце поставлю задачу, а потом Вы зайдете вон в ту дверь, – кивком он указал на дверь в кабинет зампреда, – я там штаб расположил, места побольше. Получите у них нужные адреса, телефоны, некоторые инструкции. А сейчас слушайте меня внимательно, Вас как величать-то?

– Сергей Николаевич.

– Ну, так вот, Сергей Николаевич, речь пойдет о восстановительных работах в Армении. Наш объект – город Степанаван и, соответственно, район. Спасатели сейчас занимаются там своими спасательными делами, а нам с Вами необходимо срочно подготовить базу для начала строительных работ. Что нужно в первую очередь, – Борисенко задумался, – нужны месторождения камня, разведанные на щебень, и нужен песок. Самое главное, необходимо в кратчайшие сроки провести документальную ревизию имеющихся у них месторождений, и отвести землю для строительства, как минимум, двух щебеночных заводов с карьерами по двести – двести пятьдесят тысяч кубов щебня в год каждый, и одного завода ЖБИ. На первое время – полигона. Документацию по готовности будете передавать проектировщикам, они скоро тоже будут там. Сколько всего понадобится собственного щебня, пока не ясно. По этому поводу готовится специальное Постановление, но, полагаю, не меньше того, что я сказал. В Ереване сейчас находится наш Калинин Николай Николаевич, Вы должны его знать, с комплектацией заводов он Вам поможет. Ну, вот так, Сергей Николаевич. Вопросы есть? Нет. Все детали в штабе. Вылететь надо завтра. Все. Удачи Вам.

– Спасибо, Валерий Павлович, как будто бы все ясно.

Борисенко встал и, выйдя из-за стола, крепко пожал руку Сергея, – надеюсь на тебя.

В штабе интенсивно работал весь секретариат Борисенко из их Министерства. Беспрестанно звонили телефоны, на все вопросы секретари отвечали четко и предельно лаконично, разъясняли или немедленно отправляли звонившего на телефон компетентного ответственного лица. Старший секретарь, он же помощник замминистра, Юрий Иванович, в первую очередь вручил Славину официальное «Правительственное задание», заранее отпечатанное на бланке Совета Министров России, с гербовой печатью. Тут же Славин получил документ на внеочередное и бесплатное приобретение в кассе аэровокзала билета до Еревана, на любой рейс, необходимые адреса и номера телефонов. Юрий Иванович предупредил, что регистрация в аэропорту – через депутатский зал, и чтобы Славин обязательно сообщил в штаб о времени вылета.

– А в Ереване Вас, Сергей Николаевич, должны встретить, мы постараемся обеспечить, – сказал на прощание Юрий Иванович, – звоните нам по любым вопросам, радиотелефон в Степанаване должны уже установить. Ну, все, счастливо Вам, до свидания.

Выйдя из кишачего озабоченными людьми здания Госстроя, Славин постоял, переведа дух, закурил. «Так, что же дальше? – размышлял он, – уж больно все быстро происходит.

Теперь надо было бы материал по Армении заполучить, а где и как, пока я не знаю. Времени нет, а лететь-то завтра». Славин был уверен, что сделает все, что требуется, просто сейчас в его голове не было плана действий, не было пока надежной точки опоры. За дальнейшими раздумьями он не заметил, как уже вышел из метро на станции «Баррикадная». Решение пришло помимо сознания, так бывает. «Действительно, пути Господни...», мелькнуло у Славина в голове. Через три минуты он вошел в здание Министерства геологии России. Именно там занимались месторождениями строительных материалов, и работали знакомые ему геологи.

– О, кого я вижу! – басом загудел огромный Боря Грановский, однокурсник Сергея. В Министерстве он руководил отделом организации разведочных работ, – Сергей Николаевич! Какими судьбами? Заходи, заходи, привет. Нужна разведка? Дружище, для тебя вне очереди, только скажи где, и на каких площадях. Вот, времечко-то наступило, – басил Грановский, – экспедиции без работы оказались, нет в стране денег. Теперь ждем, когда у нас иностранцы за разведку примутся, вот хохма – то будет!

– Привет честной компании, – обратился Сергей ко всем присутствующим в отделе, и, обращаясь к Грановскому – где у вас тут курят? Пойдем, поговорим.

В курилке он кратко рассказал своему однокурснику о поставленных перед ним задачах и некоторой своей растерянности по поводу необходимых материалов.

– Пока я не вижу, Боря, за что зацепиться. Прямо скажу, оказался один на один с проблемой. Вот, решил в ваших фондах разведку провести.

– Повезло тебе, Серега. В прямом смысле повезло. Я бы согласился сейчас там оказаться, да не посылают, некогда, говорят, там сейчас разведку проводить. Ладно, старик, не унывай, будем решать твою проблему. Сейчас пройдем с тобой к нашему «аксакалу», ты его знаешь, и он все тебе разъяснит.

Грановский провел Сергея на третий этаж к начальнику геологического отдела Орлову Николаю Степановичу. Сергей действительно был с ним знаком, не так давно они вместе принимали участие в работе комиссии по изъятию части запасов известняка из реестра месторождений Новосибирской области. В гостинице «Сибирь» жили в одном двухместном номере.

Орлов руководил геологическим отделом Министерства геологии уже лет двадцать и знал наизусть все разведанные запасы строительных материалов на территории России. Ему были знакомы все геологи, занимающиеся строительными материалами в Союзных Республиках, в особенности ветераны. Так что Грановский попал в «самую точку». Орлов принадлежал к старому поколению полевых геологов, и в обращениях с коллегами был всегда тактичен. Славина он узнал, тепло поздоровался за руку.

– Вот что я Вам скажу, Сергей Николаевич, – медленно начал он, выслушав вопросы от Славина, – в наших фондах, понимаете ли, материалов по Армении нет, а Союзное Министерство, как известно, стройматериалами не занимается, всё у нас, но только по России. Интересующие Вас, Сергей Николаевич, материалы имеются только в Ереване, в фондах геологического Управления. Это у них заменяет Министерство. Таким образом, Вам следует обратиться именно туда. Адрес в Ереване я Вам подскажу. В Управлении Вы найдете старшего геолога отдела строительных материалов Иванову Веру Васильевну. Она работает там давно, больше двадцати лет. Когда-то жила в Москве, работала в «Центргеологии», да вот, замуж вышла и уехала в Ереван. А начинали мы с ней вместе, на апатитах, в Хибинских тундрах. Так в то время эти места называли. Я думал, что она уже на пенсии, да не тут-то было. Недавно Вера Васильевна была в Москве, заезжала к нам погостить. Говорит, во всем Управлении из геологов она одна женщина. Поэтому, как она говорит, за четверых работать приходится, а не то, что бы о пенсии подумать. Поклонитесь ей от меня, и Вера Васильевна обязательно поможет решить все Ваши проблемы. Вот, Сергей Николаевич, все, чем я могу Вам помочь. Я бы сам позвонил Верочке, тем более такая беда, да связи с Арменией нет, только по специальным каналам.

Из того, что рассказал Орлов, Славину было все понятно. Кроме того, он почувствовал себя уже не в одиночестве, а наоборот, ощутил серьезные намеки на деловую помощь.

– Огромное Вам спасибо, Николай Степанович, Вы очень помогли, – Сергей пожал руку «аксакала», – думаю, с Вашей помощью все должно устроиться как надо.

– Ну, что Вы, не стоит благодарности, я только наметил Вам начало всего пути. Предполагаю, что дальше будет не так просто. Адрес Управления и рабочий телефон Веры Васильевны вот здесь, на визитке, – Орлов протянул Славину картонную карточку, где на одной стороне были указаны реквизиты Ивановой на армянском языке, а с другой стороны – на русском.

– Так что, счастливо Вам, Сергей Николаевич. Дело чрезвычайно важное, только берегите себя.

Перекурили с Грановским на первом этаже. Поблагодарив коллегу за участие, и по-братски распрощавшись с ним, Сергей отправился домой. На душе было спокойно, теперь он был уверен, что сумеет все решить, главное, было бы от чего оттолкнуться. Как говорится, «не имей сто рублей, а имей хотя бы пару толковых друзей».

Дома Сергею надо было постараться как-нибудь поделикатнее «обрадовать» Лену, да собрать в дорогу свой небольшой старомодный кожаный чемодан-саквояж, доставшийся ему от отца. Саквояж этот дед Сергея, Василий Васильевич, привез из Австрии, где он в сорок седьмом закончил службу в звании старшины. После войны трофеей верой и правдой служил родителям Сергея в поездках в лечебные санатории и на курорты. А когда Сергей после службы в Армии решил учиться на геолога, отец подарил ему этот трофейный саквояж. Пригодился он только теперь, когда командировки стали короткими и не связанными с полевыми работами.

Уже год, как Сергей и его жена Лена остались жить вдвоем. Их дочь Маша к этому времени закончила факультет журналистики МГУ, вышла замуж за такого же, как она, журналиста, только немного постарше, и жили они у бабушки. Два года назад от обширного инфаркта ушел из жизни отец Сергея, Николай Михайлович, и мать, Мария Васильевна, настояла на том, чтобы Маша обязательно жила у нее. А теперь уж и с мужем Анатолием.

О поездке в Армению родным решили не сообщать. Командировка, и командировка, как обычно. Поднявшись утром далеко заранее, Лена собственноручно перебрала собранные в дорогу Сергеем вещи. Впервые провожала она своего геолога с таким беспокойством. Даже когда он надолго улетал на «свою Чукотку», душа Лены была спокойна. Да и вообще она уже стала привыкать к тому, что командировки Сергея на новой работе были короткими, не более, чем по три-четыре дня, и все в пределах России. Лена тихонько радовалась тому, что основное время муж находился в Москве и занимался делом, не связанным с длительными поездками в «поле». И вдруг, опять. Да еще в район такого бедствия. Ежедневно по телевизору часами передавали оттуда сводки, как с фронта. В круглосуточных телерепортажах из раза в раз уточнялось количество погибших и выживших под завалами. Тяжело было на сердце у Лены, никогда до этого она не позволяла себе заплакать, провожая Сережу, а сегодня слезы, как никогда, катились и катились по ее щекам. «Господи, помоги ему, пожалуйста», – украдкой повторяла она. Именно сегодня Лена собиралась сообщить Сергею, что Маша уже третий месяц ждет ребенка, и у них совсем скоро будет внук или внучка. Она сама об этом узнала только два дня назад. Говорить не стала, «не кстати сейчас, вернется из командировки, тогда порадуемся вместе», – решила Лена.

– Будь осторожен, береги себя, Сережа, только ты наша опора и наша надежда. Ты помни, что мы тебя очень ждем.

– Ну, что ты, что ты, Ленуля, – нежно вытирая слезы на щеках жены, успокаивал ее Сергей, – все будет хорошо. Ты только маме не проговорись, куда поехал, а то испереживаются они вместе с Машкой.

– Нет, нет, я не скажу. Я уж сама здесь попереживаю.

– Ну, все, все, пора ехать. До свидания. Мне сказали, что там, в Степанаване, в штабе радиотелефон установлен на Москву, я обязательно тебе позвоню, как только доберусь.

15 декабря. *«Вылетаю в Ереван. Что-то сегодня трудно прощаться с Леной. Решил Машке не говорить куда уехал, пусть не знает, да и Мама чтобы не беспокоилась. Лена, Лена, снова мне приходится ее покидать, как в прошлые годы, когда каждую весну на несколько месяцев уезжал – улетаю «в поле». Но ничего, думаю, что не надолго, что там сложного-то, землю на месторождении отвести. Хотя, кто его знает, в Армении сейчас, наверное, «черт голову сломит», не до меня с моими заданиями и предписаниями. Посмотрим. Все равно, месяц – это много, и напрасно Борисенко так уж беспокоится, главное, чтобы геологи на месте помогли. Да и в этом плане должно быть все нормально – профессиональное братство. Повезло, что Боря Грановский вывел на Николая Степановича, и вообще, что оба оказались на месте. Спасибо им огромное.*

Судя по информации, разрушения в Армении большие и, самое ужасное, много людей погибло. Республика сейчас в печали. Что-то тянет меня туда, скорее всего, просто хочется поучаствовать. Все, пора ехать.»

Сергей еще раз нежно поцеловал Лену и вышел на лестничную клетку. Ему самому это расставание было не по душе. Взволнованный, не дожидаясь лифта, с саквояжем в руке и сумкой через плечо он спустился по лестнице и быстрым шагом направился к стоянке такси.

В центральном аэровокзале Славин вне очереди приобрел билет на нужный рейс с отметкой «деп. зал», и автобус аэрофлота за час доставил его в аэропорт Домодедово. В депутатском зале собралось человек сорок, вылетающих в Ереван. Люди расселись на удобных диванах и по креслам, разговаривали тихо, и зал казался безлюдным, только девушки – официантки, разносившие пассажирам напитки и бутерброды, тикая каблучками по зеркально начищенному мраморному полу, создавали некую видимость предполетной суеты.

Время подходило к полудню. Яркое зимнее солнце сквозь широкие окна осветило полированный пол, и его лучи, отражаясь как в зеркале, заставили Славина зажмурить глаза. «Хорошая погода, – подумал Сергей, – да надо бы позвонить в штаб, сообщить, каким рейсом вылетаю», – вспомнил он просьбу Юрия Ивановича. Посмотрев по сторонам, в дальнем от себя углу зала он увидел несколько настенных телефонных аппаратов. Сергей подошел к ним. Оказалось, это бесплатные московские телефоны-автоматы. Позвонил в штаб о времени вылета, заодно и Лене на работу. Процедуры регистрации и посадки в самолет пассажиров из депутатского зала прошли без досмотра и какой-либо суеты. Сергей занял свое кресло в просторном салоне аэробуса ИЛ-76.

Место оказалось у иллюминатора, Это вполне устраивало Славина. Раньше он любил в полете созерцать «карту» Земли, высматривая что-нибудь неожиданное. На память ему пришел первый длительный беспосадочный полет по маршруту Москва – Хабаровск на турбовинтовом лайнере ТУ 114 в далеком 1965-м году. Пролетая над сибирской тайгой, Сергей тогда с замиранием сердца внимательно всматривался в словно бы нарисованные зеленые, покрытые голубоватой пеленой, леса и перелески, светлые, освещенные солнцем, поля и поляны, бирюзовые реки и извилистые речушки, изумрудные, отражающие небо, озера. Он наивно надеялся увидеть кого-нибудь из крупных обитателей тайги – лося, оленя или самого медведя, вышедших вдруг из густого леса на просторную солнечную поляну. Сергей улыбнулся своему воспоминанию.

В иллюминатор заглянуло яркое солнце, Славин опустил шторку. Вскоре заполнился пассажирами весь салон самолета, и приятный голос стюардессы под аккомпанимент набирающих обороты двигателей, поприветствовал от имени командира и экипажа лайнера рассевшихся по местам пассажиров. Пристегнули ремни, и... на взлет. Славин закрыл глаза.

НОСТАЛЬГИЯ (калейдоскоп странствий)

В полудреме, будто бы из далека, вдруг услышал он голос стюардессы, сообщавшей, что полет по маршруту Москва – Хабаровск подошел к концу. Дальше предстояло самолетом ИЛ-14 добраться до Сахалина, точнее до города Оха, города нефтяников, северной столицы острова.

...А вот и старая японская фанза, одна из трех, в которых расположилась база геологической партии, входившей в состав экспедиции двадцатого района. Руководство экспедиции находилось в Москве, на улице Марины Расковой, и еще там я устроился в эту партию сезонным рабочим, по рекомендации моего друга Славки Хныкина, до этого уже побывавшего в дальних экспедициях на полевых работах. Герман Саввич Ведерников, начальник партии, встретил приветливо.

– Познакомься с ребятами, Сергей, а завтра в маршрут, на полуостров Шмидта, точнее, на мыс Леверштейна, **северную оконечность Сахалина**.

Старый вертолет МИ-4, с закопченными от выхлопных газов грязно-зелеными бортами, долго кружился над безлесыми вершинами сопков, выбирая место для посадки. Сопку подыскивали в непосредственной близости от реки Томи, в долине которой были намечены поиски хромитов. Наконец, вертолет приземлился, и отряд во главе с начальником партии и геологом Женей Морозовым высадился на вершине сопки, похожей на лысину с оторочкой из труднопроходимого кедрового стланика. Пока разгружали вертолет, Герман Саввич с Женей решили спуститься к реке, присмотреть место для лагеря. Закончив разгрузку, мужики соорудили костерок, заварили знаменитый таежный чай с листом багульника. Леша Антошкин взял в руки гитару, поправил колки:

– «Поёт морзянка за стеной веселым дискантом.

Кругом снега, хоть сотню верст исколеси.

Четвертый день пурга качается над Диксоном,

Но только ты об этом лучше песню расспроси...».

Вертолетчики ждали Германа Саввича, он должен был лететь с ними обратно, в Оху, и уже нервничали, опасаясь, что не успеют вернуться до темноты на свой аэродром. Решили прогреть двигатель, уже завращался винт, как вдруг откуда-то снизу послышался выстрел из карабина. Через несколько минут из почти непроходимых зарослей кедрового стланика появились и, задыхаясь, подбежали к вертолету Герман Саввич и Женя.

– Грузите все в вертолет, – с трудом выдохнул начальник, – это не Томи, это река Орлиная, и дайте скорее мне чаю, пожалуйста.

Загрузили обратно всю амуницию, и вертолет, раскрутив свой могучий винт, снова поднялся над тайгой, унося отряд геологов к месту стоянки у реки Томи. Так начинался первый в жизни, поэтому, наверное, самый интересный, наполненный массой неожиданностей, полевой сезон будущего геолога Сергея Славина...

...А это уже год восемьдесят первый. Наша база в Шахтерске на южном Сахалине. Изучаем газоносность **Сахалинского угольного бассейна**. Оттуда лечу в командировку в Оху, нужно отобрать из нефтяных скважин три десятка проб нефти и газа и привезти их в Шахтерск. А дальше переправить в Москву, на изотопный анализ.

Вот и Оха. Те же три фанзы, стоят себе..., вокруг тот же забор. Как будто никуда и не уезжал. Сколько же лет прошло? Пятнадцать. А все те же деревянные тротуары со ступеньками на спусках, те же синие двухэтажные домики в Почтовом переулке, та же автобусная остановка и рядом большие железные ящики для мусора.

Коллеги в «нефтеразведке» любезно помогли с отбором нужных проб, и уже на пятый день я был готов к вылету в Шахтерск. Прямой рейс до Шахтерска сегодня уже улетел полно-

стью укомплектованный, следующий только через неделю. Придется лететь до Александровска, а там пересесть на рейс Александровск – Шахтерск, который по расписанию вылетает через час после прибытия рейса из Охи. Согласен лететь так, какая мне разница. Пробы упакованы, звоню из гостиницы в аэропорт, спрашиваю, как оформить провоз в самолете нефтяных и газовых проб. Ответили, что можно без специального оформления, только надо предупредить на регистрации. Тут же сказали, что регистрация на рейс Оха – Александровск начинается через двадцать минут. Не позавтракав, мчусь в аэропорт и успеваю на регистрацию в последний момент.

Объявили посадку в автобус. Аэропорт новый, после регистрации ехать автобусом до старого летного поля минут двадцать. На регистрации моя очередь крайняя. Предупреждаю, что везу с собой в бутылках пробы газа и нефти. Дежурный сержант милиционер просит показать багаж и пройти с ним в другое помещение. Там он приступает к составлению протокола задержания и изъятия опасного груза. «Как же так? – говорю, – мне же сказали, что можно». «Мало ли что Вам сказали, опасный груз в самолете провозить нельзя. И все». «Как же быть? Мне необходимо эти пробы доставить в Шахтерск». «Это Ваши проблемы, а я не имею права пропустить. Выставляйте все Ваши бутылки на стол, я должен их переписать». Не торопясь, переписывает этикетки. «Слушайте, сержант, у Вас есть начальник здесь в порту? Позовите, пожалуйста, надо разобраться». Подумав, достает из-за пазухи рацию. «Товарищ капитан, здесь у меня нарушитель с опасным грузом, требует, чтобы Вы подошли». Минут через пятнадцать вошел в комнату капитан. «Что везете?» «Пробы нефти и газа», – отвечаю. «На регистрации предупредили?» «Конечно, предупредил», – говорю. Смотрит на сержанта: «Так какого же ты черта задерживаешь человека и вместе с ним весь рейс? Говорил же на инструктаже, „геологов с образцами и пробами пропускать без задержки“. Ну и балбес попался. Извините, гражданин, давайте, я Вам помогу упаковать, и торопитесь, Вас полный автобус пассажиров больше получаса уже ждет».

Пассажиры, конечно же, высказались, но это оказалось даже не полбеды, а вовсе ничего, по сравнению с тем, что последовало за всем этим. В Александровск наш рейс прибыл с опозданием ровно на час, когда самолет на Шахтерск только что улетел. Следующий рейс до Шахтерска через четыре дня. Чувствую, попал в капкан. «Как добраться?» – спрашиваю в кассе избы-аэропорта. «Из Тымовского, здесь недалеко, на южный Сахалин курсирует пассажирский поезд. Доедете до станции „Взморье“, пересядете на поезд до Ильинского, а оттуда автобусом часа три с половиной – четыре до Шахтерска». Сдаю билет, удерживают за опоздание на рейс. Подвернувшимся автобусом еду в Тымовское, на ж.д. вокзал, покупаю сквозной билет до Ильинского. Денег оказалось «в обрез». Сажусь в миниатюрный вагон японского поезда. Непривычно маленькие диваны, столики. Вспомнил, что не успел позавтракать, очень захотелось есть. С собой ничего нет, денег – ни копейки.

Поезд тронулся. Едем со скоростью не более сорока километров в час. В соседних отсеках пассажиры разложили еду, выставили бутылки с пивом, едят, разговаривают, веселятся. Чтобы утолить голод, хожу в умывальник пить воду. Помогает. На рассвете следующего дня вышел на станции Взморье. Поезд до Ильинского отправляется в десять часов. Нужно закомпоновать билет, иду в кассу, кассирша протягивает мне отмеченный билет: «с Вас два рубля». «За что?» – спрашиваю. «Как за что? За компостер». «Миленькая, да у меня и двух копеек в кармане нет, а не то, чтобы двух рублей». «Ладно, забирай свой билет и проваливай, бич проклятый». Стыдно, но пришлось «проглотить». К вечеру на таком же поезде приехал в Ильинское. Уже нет мочи, как хочется есть, увидел бак с питьевой водой, напился, вроде отлегло. Автобус до Шахтерска только завтра в девять утра. Пришлось ночевать на вокзале. Хорошо, хоть место есть, где сидеть. Голод не дает спать, кажется, что ночующие пассажиры – соседи только и занимаются тем, что всю ночь напрополую едят, да пиво с лимонадом пьют. Но в баке воды много, ничего. Утром подошел к дежурному майору милиции, предъявил пас-

порт и генеральную доверенность начальника научно-исследовательской партии Московского института. Объяснил ситуацию. «Ну, что, москвич, денег на автобус я тебе не дам – у меня их нет, но помогу». Повел меня майор на пристанционный склад, где загружались грузовики с длинными прицепами. В народе их называли «шаландами». Подвел к водителю одной из них и попросил взять меня попутно до самого Шахтерска, бесплатно. Водитель вошел в положение, согласился. Договорились, что буду ждать на выезде с территории складов. Стою, жду. Слышу, в кустах громкий разговор, смех. Вдруг, оттуда вылетает краюха хлеба, и попадает прямо в грязную лужу. «Мужики! – кричу, – да как же у вас рука поднялась выбросить хлеб? Совсем офонарели от водки!» «А ты кто такой, чтобы нас воспитывать? – вышел из укрытия, шатаясь, один из участников „банкета“, – сейчас и тебя в этой луже искупаем, если не сможешь отсюда». «Ты бы посмотрел на себя, дурачек, – отвечаю спокойно, – на тебя ведь только чихнуть. Искупаем... как бы самому тебе пьяной мордой в луже не оказаться».

Подъехала моя шаланда, водитель вышел, помог загрузить «баул» с пробами. Поехали. «Вы извините, я обещал морячка одного подвести до Углегорска, придется немного потесниться». За поворотом нас ожидал на обочине мужчина с черной бородкой – «шотландкой» и с чемоданом в руке. Остановились. Решили, что ему удобнее сидеть у двери, поскольку раньше выходить. Познакомились. Оказалось, он моряк рыболовного флота, работает на Камчатке, едет в отпуск в Углегорск. Минут через десять Михаил, так звали моряка, пристроил свой чемодан на коленях и расстегнул замок – молнию. «Проголодался я, пока ехал на поезде. Перекусить бы не мешало, давай Сергей, присоединяйся». Он открыл чемодан и извлек из него батон хлеба, «палку» копченой колбасы, банку рыбных консервов и бутылку портвейна «АГДАМ». Я чуть не захлебнулся собственной слюной. Он деловито застелил чемоданный столик газетой, вынул из кармана солидного размера нож, крупно нарезал хлеб, колбасу, мастерски вскрыл банку. Водитель рукой показал на «бардачок», где находился стакан. «Ну, что, мужики, давайте перекусим чем Бог послал». Сначала он сложил из хлеба и колбасы бутерброд и передал водителю, затем налил стакан вина и протянул мне. «Давай, Сергей, не стесняйся, за знакомство». Я выпил вино и стал лихорадочно поглощать хлеб с колбасой. Михаил это заметил. «Ты, Сергей, видно сильно проголодался, что так быстро жуешь». Пришлось рассказать о своих мытарствах. «Что же ты сразу-то молчал, чудака-человек, давай, давай, ешь, не стесняйся, я тебе еще банку открою. Вот ведь как бывает, одно к одному, как домино. А тех „козлов“, что хлебом бросались, я бы к себе на судно взял, на минтаевую путину в Охотском море. Там бы живо научились каждый кусок хлеба уважать»....

...«А это уже я мчусь на «Ракете» по великой сибирской реке Лене из Якутска в Хандыгу, что на Алдане. Год, кажется, восемьдесят второй. А дальше еще нужно будет на плоскодонной «Заре» добираться до поселка Джебарики-Хая. Это одно из месторождений **Ленского угольного бассейна**. Но это только завтра, «Заря» отправляется от пристани Хандыги в пять утра, так что придется на дебаркадере переночевать.

(В центральной Якутии добраться в летнее время до шахтерских поселков Сангар и Джебарики-Хая можно было только речным транспортом или вертолетом. Нашему герою приходилось за летний полевой сезон как минимум трижды отправляться на «Ракете» или «Метеоре» от причала Якутского речного порта в эти шахтерские поселки. Отправлялись теплоходы в пять и в шесть часов утра, поскольку время в пути составляло двенадцать часов. На протяжении всего пути Славин обычно подолгу не уходил с палубы «Ракеты», любуясь неповторимыми живописными пейзажами по берегам великой реки. Сердце замирало, когда теплоход на полном ходу как в тоннель входил в узкие протоки между зелеными островами и, минуя их, вырывался, будто бы из плена, на широкий речной простор. Или когда теплоход выходил на плес в месте впадения в Лену ее главного правого притока – реки Алдан. Берега пропадали за горизонтом и, казалось, что теплоход «заблудился» и кружит на одном месте, как вдруг снова появ-

лялись заросшие тайгой берега, отвесные береговые скалы, которые, то вырастая, то исчезая, возвращали взору привычный радостный живописный горно-таежный пейзаж. *Прим. авт.*)

А это кто же такой? Ба, да это же Простаков Юрий Петрович, главный геолог Должанской экспедиции! Да он же в Донбассе живет, в Луганской области, как же он здесь оказался, на «Ракете»?

– Юрий Петрович, привет, ты как здесь?

– Здравствуй, Сережа, да вот, приехал с тобой повидаться. Ты совсем забыл наш **Донбасс**, а мы тебя часто вспоминаем. Помнишь нашего начальника экспедиции Гавриленко?

– Помню, конечно, Николай Мифодьевич, кажется.

– Точно, так он теперь министр геологии Украины. А ты помнишь, у тебя в шестьдесят восьмом году студент вьетнамец был? Мы с Лёней Горевым вспоминали, как он целыми днями на Лёниной буровой керн описывал. Мы все думали: что это он одно и то же описывает день за днем? А потом все поняли. Недалеко от буровой расположился полевой стан колхозной бригады, где колхозников бесплатно кормили «как на убой». Вот твой студент туда и повадился. Его там колхозные стряпухи принимали и откармливали по высшему разряду. Так он целый месяц оттуда не вылезал. Про свой Вьетнам все им рассказывал. Как ни приеду на буровую, он на стане. Шустрый вьетнамец у тебя был.

– Это Бао был, вернее, Нгуен Тьен Бао. Он, кстати, в прошлом году на нашем Совете кандидатскую защитил. Ты, Юрий Петрович, привет от меня передавай и Лёне Горевому, и Толику Королеву, и Аркаше Атрадинскому, короче, всем, кто помнит. А ты куда едешь-то?

– Да я же говорю, тебя повидать приехал. Сейчас вот «Ракета» заправляется на Алдане будет, я и сойду на танкер, а на обратной «Ракете» уеду в Якутск, а оттуда в Луганск, в свою Должанку. Смотри, Сергей, мы в море вышли, что ли? Берегов не видать.

– Здесь мы из Лены заходим в Алдан, а в месте их слияния «Ракета» выходит на середину, и берега «пропадают». Самое широкое место. Сейчас появятся такие же живописные берега, но уже не Лены, а Алдана.

«Ракета» сбавила ход, села днищем на воду и левым бортом подошла к танкеру, стоявшему на якоре посреди реки. Человек без одежды, только в трусах и в шляпе, ловко закрепил брошенные ему швартовые канаты, протянул шланги и включил насос. Шланги вздрогнули, заправка началась.

– Ну, давай, Сережа, счастливо тебе, сказал на прощание Простаков, и смело шагнул с палубы теплохода на палубу танкера.

«Наваждение какое-то. Как он сюда попал, этот Простаков? И куда вдруг подевался?»

К вечеру, часам к шести, «Ракета» причаливает к пристани в поселке Хандыга на Алдане. Дальше «Ракета» не идет. Кому в Джебарики – Хая или еще дальше, в Эльдикан или в Усть-Маю, остаются ночевать на дебаркадере, и продолжают свой путь на теплоходе «Заря» только часов в шесть следующим утром. На дебаркадере для пассажиров имеется несколько кают, туалетная комната, но ни буфета, ни столовки. Мужики, шахтеры и геологи, почти все знакомые между собой, собрались было идти в поселок, искать, где бы поужинать. Присоединяюсь к коллективу. Потом, посоветовавшись, решили скинуться, направить двоих «гонцов» за продуктами, и перекусить прямо здесь, на свежем воздухе. Теплый июльский вечер к этому, надо сказать, располагал. Уже через час на палубе дебаркадера возникло нечто, похожее на праздничный стол, представляющий собой три скамейки, средняя из которых, самая широкая, застелена газетами и заставлена бутылками красного вина (водка в магазинах поселка не продавалась), банками тушенки и кабачковой икры, крупно нарезанным хлебом, краковской колбасой и густыми метелками зеленого лука. Весело переговариваясь, мужики откупорили бутылки, разлили по кружкам вино и, только приступили было к вечерней дорожной трапезе, как на палубу тихо вошли двое патрулирующих милиционеров.

– Так, граждане, сдаем документы, собираем бутылки в сумки и грузимся все в машину, поедем в отдел, составим протокол. Распитие спиртных напитков в общественном месте.

Уговариваю недовольных мужиков не сопротивляться и не грубить, аккуратно сливаем вино обратно в бутылки, едем в отдел. Там нас встречает майор. Выслушав доклад патруля, довольно улыбается.

– Ну, что же, недельки на две на острова, голубчики, на покос.

– Что это значит? – спрашиваю майора.

– А это значит, дорогие мои, что по Постановлению Совета Министров Республики Якутия за нарушение общественного порядка мы обязаны направить вас на острова, в бригады по заготовке сена для скота, до пятнадцати суток. Людей, понимаете ли, не хватает.

Чувствую, влипли, дело действительно пахнет сенокосом. Надо как-то выкручиваться.

– Товарищ майор, – выхожу вперед, – давайте сначала разберемся. Дело в том, что мы не успели нарушить порядок-то. Мы не выпили еще и по одному разу, как нас задержал Ваш наряд. Вот посмотрите, все вино в бутылках, – указываю на вещественные доказательства, выставленные на отдельно стоявшем столе, – теперь-то мы знаем, что нельзя, и больше не будем нарушать.

С задумчивой улыбкой на лице майор медленно вышел из-за стола, внимательно осмотрел бутылки, еще раз пролистал документы, изъятые у нас патрулем.

– А ну-ка, подыши мне на руку, москвич, – предложил он мне, и, убедившись в отсутствии запаха, добавил, – считайте, мужики, что вы сегодня выкрутились. Забирайте свои бутылки и документы, и пешим ходом на дебаркадер. Не балуйтесь больше.

Часа на два задержал майор наш ужин. Но ничего, летние ночи в Якутии светлые, как осенние дни. Будем осторожнее ....

...Маленький шахтерский поселок Джебарики-Хая расположился в тайге, на высоком берегу Алдана. Все в нем есть. Шахта небольшая, но вполне обеспечивает углем якутские улусы и золотые прииски по всему Алдану. В шахтерской столовой все стены с пола до потолка представляют собой единое панно художественной резьбы по дереву, выполненное талантливым художником, с охотничьими и шахтерскими сюжетами. Настоящий шедевр. Нигде, наверное, такого нет. Не встречал....

...А это Чульман, поселок на юге Якутии – центр **Южно-Якутского угольного бассейна**. В гостях у главного геолога комплексной экспедиции Каримовой Саимы Сафиевны, Героя Социалистического Труда. Знакомые геологи предупредили, что обращаться к ней следует не иначе, как Александра Сергеевна. Звание Героя она получила за открытие, качественно и своевременно проведенные поисковые и разведочные работы перспективного Южно-Якутского бассейна коксующегося угля. Очень красивая статная женщина лет пятидесяти, с широкими черными глазами, с лицом восточного типа, слегка тронутым многими годами экспедиционной полевой работы.

Каримова встала навстречу, предложила стул у приставного столика, и сама села напротив. Долго обсуждали основные положения договора о проведении совместных научных исследований на месторождениях Южно-Якутского бассейна. Пришло время попрощаться, как вдруг Каримова неожиданно спросила.

– Сергей Николаевич, Вы знакомы с Иваном Николаевичем Стефановым?

– Да, знаком, мы даже дружим по делам, он в экспедиции Минуглепрома работает, в Нерюнгри, мы у них базируемся.

– Там у него, говорят, хорошая лаборатория. До этого Иван Николаевич у нас заведующим лабораторией был. Опытный геолог, на Севере давно, по-моему, даже раньше меня приехал. Устроил он нам головную боль.

– Каким же образом? Он как будто бы человек не легкомысленный и порядочный.

– Я согласна с Вами. Но вот, при передаче лаборатории новому заведующему, на помещение, где хранились дубликаты проб, он просто указал: «а здесь дубликаты». И все. Прошли мимо. А когда новая заведующая, совсем молодой специалист, решила навести порядок, оказалось, что это были дубликаты обогащенных проб золота. Полные стеллажи, несколько тысяч, чуть ли не за тридцать лет поисков и разведки на золото. Уж и россыпи многие отработаны, а дубликаты все хранятся, хотя давно должны быть ликвидированы. Существуют нормы хранения золота геологоразведочными организациями в виде проб без лицензии. Нужно было только ликвидировать постоянно, сдавать в кассу соответствующего прииска, участок за участком, по 50—60 проб, тогда бы не было необходимости их и активировать. Иван Николаевич же, а до него еще был специалист, отнеслись к этому не серьезно, или вовсе забывали. И вот теперь зав. лабораторией никак не может избавиться от этого неучтенного золота. Дело в том, что содержимого пакетиков набралось около пяти килограмм. Почти полная кружка, в сейфе у начальника экспедиции стоит. Теперь сдать его сложно, с нас требуют лицензию на его добычу, а иначе ни одна касса на приисках такое количество не принимает. Больше того, грозят привлечь. Ну, до этого, конечно, не дойдет, но все-таки. А Иван Николаевич и «в ус не дует». Наследство нам оставил. Ни мне, ни начальнику экспедиции вмешиваться в это дело не следовало бы, можно на скандал налететь, так уж пусть бы автор закончил сюжет.

– Александра Сергеевна, я от Вас сегодня еду в Нерюнгри и обязательно передам Ивану Николаевичу Ваше негодование. Думаю, он найдет время, приедет и поможет разрешить эту проблему.

– Спасибо, передайте, пожалуйста. Ну, мы с Вами все оговорили, так что давайте, составляйте с нашими геологами договор, будем подписывать. До свидания, Сергей Николаевич, всего Вам доброго....

...Восемьдесят пятый год. Уютный шахтерский городок Междуреченск на юге **Кузнецкого бассейна**, на краю Горной Шории. Прямо в городе работают три угольные шахты, в трех километрах от города шахта «Распадская», самая крупная шахта Советского Союза. Добывает ежегодно по 13 миллионов тонн высококачественного угля. Полная механизация всех проходческих и добычных работ. Гидравлические комплексы позволяют управлять добычей угля на участке всего двум квалифицированным рабочим. Переключением небольшого рычага на пульте управления приводятся в движение стальные крепежные стойки, похожие на ноги железного великана, так же включаются конвейер и добычной комбайн. Фантастика. Шахтерам после смены прямо в ламповой, при сдаче «света» и «спасателя» обязательно кружка молока. Чистая, светлая столовая. На стенах плакаты, напоминающие Окна Роста: «*Хочешь жить лучше – работай лучше*», или «*Свою судьбу куем мы сами своими сильными руками*», а вот шедевр:

«Поел, попил, набрался сил?

Так будь решительным и стойким —

Сам отнеси посуду в мойку!»

Жаркое сибирское лето. Хорошая солнечная погода. После опробования угольного пласта в недрах шахты «Распадской», с последующим обязательным посещением настоящей шахтерской бани, приятно посидеть, покуривая, на бульварной скамеечке, понаблюдать за прохожими, за забияками-воробьями, шумными стайками перелетающими от одной скамеечки к другой, где, по их мнению, намечалась бутербродная трапеза, и можно поживиться «случайно» упавшими хлебным крошками. Вот мимо медленно проехал на велосипеде человек в очках, притормозил, оглянулся.

– Сергей Николаевич! – окликнул вдруг человек.

«Господи! Да это же Коля Козлов! Никсон!»

– Никсон! Ты ли это? Ты как здесь оказался? Здравствуй, здравствуй, дорогой.

– Я, конечно, Сергей Николаевич. Живу теперь здесь, на своей Родине – я ведь родом из Новокузнецка, а сейчас здесь, в Междуреченске, вернее, в поселке Чебол-Су, тут рядом. Работаю геологом в угольной партии. Вот уже год, как с Чукотки уехал. Сын уже большой, в первый класс пойдет. А Вас-то каким ветром сюда занесло?

– Я рад тебя видеть, Коля. Ты, наверное, знаешь, я **после Чукотки** к себе в институт вернулся, там же на кафедре горючих ископаемых работаю, старшим научным сотрудником. Мы здесь газовую съемку проводим на поле шахты «Распадской». База наша в тайге, на Ольжерасе. Сегодня вот пласт опробовали в шахте. Познакомься с моими ребятами. Студенты наши, будущие разведчики и покорители недр. Ну как там, на Чукотке, как мужики? Не забыл наш с тобой маршрут в бухту Ушакова?

– Что Вы, Сергей Николаевич, разве такое забудешь, одна встреча с китами чего стоит. Вы, наверное, знаете, Борис Дедиков вернулся на Чукотку, со всей семьей, работает на Анадырском участке.

– Это я знаю, он мне писал. Ты расскажи, как поживает Иван Киреев, товарищ мой. Что-то давно перестал он на мои письма отвечать.

– Сергей Николаевич, Иван погиб полтора года назад, за полгода до моего отъезда на материк.

– Мне никто не сообщил. Как же погиб Ваня?

– На буровой во время работы дизельного агрегата сорвался фланец, и приводной кардан ударил Ивана в грудь. Помощь оказали, вездеход был рядом. А умер он в больнице на четвертый день. До этого ходил по больнице, мы его навещали, он все шутил, готовился уже к выписке. И вот...

– Где его схоронили?

– Мы нашли в его письмах и записной книжке адреса и направили телеграммы дочери и матери его. Дочь не отозвалась, а мать Ивана к тому времени умерла, по телеграмме прилетела сестра Людмила. По ее просьбе Ивана отвезли в Комсомольск-на-Амуре и похоронили в ограду к матери. Сопровождающим с Людмилой летал Мурын Толик, друг его еще с Колымы, Вы его знаете.

– Земля ему пухом, хорошим Иван товарищем был, надежным. Не повезло ему в жизни с семьей. Очень сильно его обидели. Вот что, Николай, давай-ка зайдем вон в то кафе, да помянем нашего друга. По-христиански. Ребята мои его не знали, но, думаю, поймут.

В кафе было свободно. Выбрали столик у окна, заказали подошедшей девушке бутылку водки и каждому по салату из огурцов.

– С Иваном нас многое связывало, – начал я рассказ, когда все выпили и уткнулись в салаты, – он был первым, с кем познакомился я на Чукотке. С самого первого дня моего пребывания там, и до последнего, мы были с ним вместе. Много чего произошло за те десять лет, и ссорились мы, и прощали друг другу вольные или невольные ошибки, а в памяти у меня остался случай, когда Иван, по большому счету, спас мне жизнь.

– Расскажите, пожалуйста, Сергей Николаевич, – скромно, в один голос, попросили студенты.

– Дело было так, – рассказываю, – работали мы тогда в верховьях одной речки, оконтуривали небольшую россыпушку золота. Ты, Коля, к тому времени еще на Чукотку не приехал. Как-то утром поставили на плёсе небольшую сетёнку, горбуши поймать на уху, в километре от лагеря ниже по течению. Основная рыба к тому времени уже прошла, так, по нескольку штук ловили, на раз поужинать. Человек шесть нас тогда было. И после работы мы с Иваном поехали на лодке проверить сеть, да и снять уже ее. Выходим на плес, смотрю – кто-то сетку нашу обирает. Взял бинокль, вижу – медведь сетку выволок на косу и сидит себе, рыбу уплетает. И что меня дернуло? До сих пор не пойму. Показываю Ивану на пальцах, что буду стрелять. Подплыли к берегу, прошел я за кустами и выхожу на косу. Вот он, миленький, совсем близко,

метров тридцать, не больше. Громко чавкает, из пасти рыбий хвост торчит, меня не видит. Стреляю с колена, целюсь пониже головы. От выстрела медведь опрокидывается и замирает, подбегаю к нему, но тут вдруг он вскакивает и прямо падает в мою сторону, не успеваю сделать второй выстрел, как он сбил меня с ног и навалился своим брюхом мне на голову. «Ну, все» – ужас мелькнул в голове. Не помню, кричал я или нет. Иван сказал, что я «и чирикнуть не успел». Оглушительный выстрел, как удар молнии, раздался у самого моего уха, я чуть сознания не потерял. Очухался, слышу, Ваня кричит, упирается, старается свернуть тушу, чтобы мне выбраться. Я уж тут тоже поднатужился, и мы вместе сумели его сдвинуть. Еле вылез я из-под этого лохматого кошмара. Оказалось, Иван увидел, как медведь на меня навалился, и, не раздумывая, выскочил на берег, хотел было стрелять, да испугался, что в меня попадет, подбежал вплотную и выстрелил медведю в ухо с полуметра. Тот сразу голову уронил и обмяк. Когда мы его разделали, то оказалось, что моя пуля попала ему в самое сердце, а прыгнул он в агонии и, уже падая, сбил меня с ног, то есть полуживой. Хорошо, он лапищами своими меня захватить не успел. Тогда бы уж мне было не сдобровать, и не беседовал бы я здесь с вами. А так, ничего не сломал, не порвал. Только два дня руки и ноги тряслись. Конечно, сам я виноват. Очень себя ругаю, что не сдержался тогда. Азарт победил рассудок. Но, что было, то было, теперь уж что говорить. Я хочу сказать вам, мужики, что далеко не каждый побежал бы раненого медведя в упор добивать, чтобы товарища выручить. Вот таким был мой друг и товарищ Иван Киреев. Царствие ему небесное....

В ЕРЕВАНЕ

«Где это я?» – осторожно спросил себя Славин, очнувшись от неожиданного толчка, ему понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя и вернуться в реальность.

– Что, уже прилетели? – несколько растерянно, и как будто бы нехотя, спросил он рядом сидящего мужчину.

«Уважаемые пассажиры, наш самолет совершил посадку в конечном пункте нашего полета, в аэропорту Звартноц столицы Армении города Ереван, командир судна и экипаж прощаются с вами и желают вам всего хорошего», громко прозвучал в репродукторе приятный голос стюардессы. Славин, не дожидаясь остановки двигателей самолета, выбрался из удобного аэробусного кресла, освобождая затекшие от почти трехчасового сидения ноги и разгибая спину. «Как жалко, что прервался этот замечательный сон, – посетовал он, и с потоком пассажиров направился к выходу из самолета, – да только это вовсе не сон, это тоска моя по любимой работе, по дорогим моим спутникам».

Легко отыскав в груди разномастных чемоданов и узлов свой саквояж, Славин прошел по указателям и вскоре оказался у выхода на площадь перед аэровокзалом. Площадь была сплошь заставлена машинами. Славин закурил, постоял у выхода, рассматривая причудливое здание аэровокзала, и, не найдя глазами никого, похожего на встречающих его, направился к автобусной остановке, как вдруг, в глазах промелькнула надпись «Госстрой России». Надпись оказалась на синем микроавтобусе «РАФ». «Ну вот, другое дело», подумал Славин и поспешил к стоявшему в крайнем ряду «РАФику».

– Кого встречаете? – спросил он скучающего водителя.

– Сейчас скажу, – водитель заглянул в лежащий перед ним блокнот, – если Вы Славин, то Вас, геодезисты уже здесь.

Славин загрузился в микроавтобус, в салоне которого уже находились двое мужчин, а весь проход был завален рюкзаками и ящиками, вероятно, с оборудованием. Познакомились, оказалось, что геодезисты, Виталий и Иван, тоже направляются в Степанаван. Там им предстояла работа по разметке площадей под строительство новых сел, а в Ереване они должны вооружиться основной местной триангуляции, для «привязки» нулевого репера.

– Я свезу вас в гостиницу, – объявил немногословный водитель, – а завтра утром, часов в восемь, за вами заеду, и в штаб.

Под гостиницей водитель подразумевал помещение Ереванского индустриального техникума, временно приспособленного под перевалочный приют для приезжающих спасателей. Размещением приезжих здесь руководил комендант, Сироп Андроникович, которому для поселения нужно было предъявить только командировочное удостоверение. Комендант объяснил, что занятия в техникуме, на время проведения спасательных работ в районах землетрясения, отменены. Славина с геодезистами он разместил на третьем этаже в одной из аудиторий, где

между сдвинутыми столами были расставлены кровати, оснащенные матрасами, подушками и шерстяными одеялами, без постельного белья.

– Да ничего, мужики, главное тепло, и вода есть, – успокаивал спутников Иван, – нам только ночь здесь проконттоваться, ну две, а дальше – в поле.

Но никто и не волновался, все прекрасно всё понимали. Разместившись и воспользовавшись коммунальным умывальником, Славин предложил поискать поблизости какую-нибудь столовую или кафе, где можно было бы поужинать, поскольку время было уже вечернее, около шести часов, а у него с самого утра во рту не было ни «маковой росинки». Виталий и Иван, не раздумывая, согласились, и вся троица вышла из своего приюта на улицу.

Бросилась в глаза неопрятность улицы, видно было, что ее давно не касались ни уборочная машина, ни метла дворника. На мостовых и тротуарах скопилось много пыли, которую, вместе с окурками, обертками от жвачек, конфетными фантиками, гонял пронизывающий декабрьский ветер. Людей на улицах было немного, в основном мужчины, одетые в одежды черного цвета, похожие на траурные. Редкие машины проносились мимо, унося за собой шлейф уличной пыли вместе с мелким мусором. Общее впечатление складывалось такое, будто столица Армении частично оцепенела от большой беды, которая пришла на ее землю.

Мужики шли от улицы к улице, на их пути часто встречались кофейные «забегаловки», но есть хотелось по-настоящему. Ближайшее кафе, где, похоже, можно было сытно поужинать, оказалось минутах в двадцати от гостиницы, на улице Манукяна. Узнав о том, что вошедшие с улицы посетители только сегодня прилетели из Москвы, чтобы участвовать в восстановительных работах в районах землетрясения, директор Тигран Ашотович распорядился накормить «этих мужественных людей» за счет заведения.

– Не стесняйтесь, дорогие наши гости, кушайте на здоровье что хотите, – говорил он, ставя дорогим гостям на столик бутылку марочного коньяка «Ани», названного так в память о разрушенной землетрясением древней столицы Армении, – ни о чем не беспокойтесь.

На столе появились традиционные армянские салаты, бастурма, шашлык, вода из армянских минеральных источников – «Джермук» и «Арзни». Хлебосольству хозяина не было предела. Часа через полтора пораженные таким гостеприимством гости, насытившись и слегка захмелев, попросили обслуживавшего их молодого человека пригласить к ним Тиграна Ашотовича. Через минуту к столику подошел улыбающийся хозяин заведения.

– Ну что, дорогие гости, понравилась вам наша кухня? Может быть, что-нибудь еще захотите? Не стесняйтесь, говорите.

– Нет, нет, что Вы, Тигран Ашотович, вполне достаточно, все было очень вкусно, – ответил за всех Славин, – огромное Вам спасибо за Ваше гостеприимство, нам как-то даже не очень удобно, что мы так поужинали и...

– Ничего удивительного, друзья мои, вы мои гости, вы только сегодня пришли с миром на мою Родину, и я должен угостить вас, как дорогих гостей. Так поступил бы каждый уважающий себя армянин. У нас такой Закон.

16 декабря. «Я в Ереване. Холодно. Наверное, около двенадцати градусов мороза, да еще ветер. Первое впечатление – Ереван в оцепенении. Разрушений нет, но на улицах пусто и пыльно. Снега нет, только пыль с мелким мусором метется ветром по мостовым и собирается в небольшие сугробы вдоль бордюров. Кафе на улице Манукяна. Всякий народ гостеприимен, но такого уважительного гостеприимства, как у Тиграна Ашотовича, я еще не видел. Чувствовалось, что все исходило от чистого сердца, и с нескрываемым удовольствием. Подумалось, что вот так, наверное, проявляется настоящий национальный патриотизм, когда святые добрые традиции общества в самые недобрые дни проявляются особенно ярко. Вот так же в грозные военные годы жители наших городов и сел последним своим хлебом делились с ратниками, уходящими на фронт, на защиту Родины. И как-то мне вовсе не было стыдно и унижительно принять от ранее незнакомого мне человека чистосердечное уважение и гостеприимство.»

Синий РАФик, как и обещал водитель, подъехал к гостинице ровно в восемь, когда его пассажиры уже курили у подъезда, ожидая его. По пути остановились на пять минут у «забегаловки», чтобы выпить по чашке кофе с бутербродом.

Вестибюль первого этажа в здании Госстроя Армении пестрил указателями, которые были размещены, где только можно – на стенах, на колоннах. Славин с трудом отыскал плакат с текстом «Минспецстрой России – второй этаж, каб. 214». В небольшом кабинете 214 за одним из трех, уместившихся здесь, столов Славин увидел Калинина, начальника Управления строй-

индустрии Министерства. Они были хорошо знакомы по работе и, кроме того, были ровесниками. Калинин тоже заметил среди посетителей Славина и жестом позвал его.

– С приездом, Сергей Николаевич, как долетел, как отдохнул с дороги? – с радостным видом поприветствовал Калинин коллегу.

– Здравствуй, Николай Николаевич, да все нормально, отдохнул.

Сергей вкратце рассказал Калинин о вчерашнем ужине в кафе. Калинин весело рассмеялся.

– Ну, это у них не отнять, так принято. Когда очень настойчиво отказываешься, обижаются на полном серьезе, без всякого кокетства. Я тоже попадал под их гостеприимство, немного неловко себя чувствуешь, но приходится соглашаться – традиция, ничего не поделаешь. Теперь о деле. Тебе Борисенко общую задачу поставил? Хорошо. Общая ситуация такова: села в районе пострадали сильно, город меньше, хотя разрушений тоже много. Районные власти готовят программу по строительству чуть ли не новых сел, уже и площадки начали выбирать. Наши геодезисты вот-вот должны приехать на разбивку.

– Да они со мной вместе приехали сюда, в Госстрой пошли.

– Ну вот, видишь, ты в курсе. Это ясно. А нам нужно до начала строительства запустить хотя бы один щебзавод и полигон ЖБИ. Оборудование для щебеночных заводов еще не заявляли, ждем проекты. А для полигона ЖБИ на днях начнется отгрузка. От тебя, Сергей Николаевич, требуется как можно скорее отвод месторождения камня и, здесь же, земля под полигон ЖБИ. Проектировщики приедут через неделю, и нужно будет их сразу загрузить.

– Я думаю, Николай Николаевич, сразу не получится, у меня по камню никаких материалов пока еще нет.

– А долго это?

– Пока не знаю. Сегодня мне надо геологическое Управление посетить, тогда все станет ясно. Как с транспортом? Я могу рассчитывать на колеса?

– Безусловно, на сегодня РАФик в твоём распоряжении, так что давай, Сергей Николаевич, приступай. Машина та же, на которой тебя встречали.

Водитель, русский рыжий паренек, лет двадцати пяти, город знал хорошо, и Славин через полчаса вошел в здание с вывеской «Управление по разведке и охране недр Армянской ССР».

Кабинет Ивановой Веры Васильевны располагался на первом этаже, на видном месте. На стене, рядом с дверью висела трафаретка «Старший геолог Иванова Вера Васильевна», а пониже – другая, «Прием посетителей: понедельник, среда, пятница, с 14—00 до 18—00». Славину бросился в глаза ряд кресел у кабинета вдоль стены. Постучавшись и войдя в кабинет, Славин увидел сидящей за рабочим столом немолодую женщину, совсем не расположенную к полноте, со строгими чертами красивого загорелого лица, с короткой стрижкой, без каких-либо намеков на макияж. Только волосы были заметно окрашены в цвет зрелого каштана.

– Здравствуйте, Вера Васильевна, – поприветствовал Славин хозяйку кабинета.

– Здравствуйте, – не отрывая глаз от лежавшего перед ней документа, ответила Иванова, – присаживайтесь, пожалуйста, секунду подождите.

– Вера Васильевна, я главный геолог Всероссийского Производственного Объединения «Росспецстрой», зовут меня Славин Сергей Николаевич.

– Еще раз здравствуйте, Сергей Николаевич, чем могу служить? Что привело Вас к моей скромной персоне, какие проблемы? – подняв голову и снимая с носа большие очки в роговой оправе, жестким голосом видимо давно курящей женщины, приветствовала Вера Васильевна. – Извините, я закурю, если Вы курите, то у меня можно, вот пепельница, – она указала на красивую вазу, мастерски выполненную из черного габбро-диабазы местным Данилой – Мастером.

– Я не курю, – слукавил Славин.

Во-первых, он никогда не курил в чужом кабинете, а во-вторых, он не мог себе представить пепел и окурки в таком, в полном смысле слова, «каменном цветке».

– Ну, хорошо, Сергей Николаевич, – прикуривая от спички папиросу «Беломор-канал», переспросила Иванова, – так что у Вас за вопросы ко мне?

– Во-первых, Вера Васильевна, я рад передать, что Вам низко кланяется Ваш давний знакомый Николай Степанович Орлов, и просит не прогонять меня, а внимательно выслушать, – в полушуточном тоне начал разговор Славин.

– О, Коля Орлов, спасибо, спасибо, да, он действительно мой давний не только знакомый, но дорогой мой друг. Ну, а во-вторых?

– А во-вторых, я сейчас Вам постараюсь покороче изложить всю проблему.

Славин рассказал о задачах, стоящих перед объединением, о необходимости срочного строительства минимум двух щебеночных заводов и что для этого ему необходимо прямо сейчас.

– Я Вас поняла, коллега, – твердо сказала Иванова, – интересующие Вас материалы у нас, разумеется, есть в фондах, и я помогу Вам их заполучить, но Вы должны предъявить какой-либо официальный документ о полномочиях, у нас с этим строго.

Славин достал из сумки Правительственное Задание и протянул Вере Васильевне.

– Этого больше чем достаточно, – внимательно ознакомившись с документом, заключила Вера Васильевна, – все будет в порядке. Пойдем с Вами в фонды, и там нам сделают полную подборку материалов, а я Вам потом все поясню. Вы чаю не хотите, Сергей Николаевич? А то я заварю хороший чаек, и печенье у меня есть, овсяное любите?

– Спасибо, Вера Васильевна, от чая, пожалуй, не откажусь, тем более с овсяным печеньем.

На приставном столике появились электрочайник, сахар, вазочка с овсяным печеньем, две чайные чашки. За чаем поговорили о проблемах в геологии. Вера Васильевна поинтересовалась, как дела у Николая Степановича, на что Славин ответил прямо, что видится с ним очень редко, в последний раз позавчера, и нашел его в полном здравии. Славин, в свою очередь решил поинтересоваться, почему это у старшего геолога обозначены приемные дни и часы, на что Вера Васильевна ответила довольно пространно.

– Очень просто, коллега. Начнем с того, что Армянский Народ в силу разных обстоятельств немалой частью оказался разбросанным по всему миру. Ну, а, как известно, где человек живет, там он и умирает. Так вот, все армяне, живущие вдали от Родины, завещают родственникам, чтобы надгробья на их будущих могилах были сделаны непременно из армянского камня – базальта, габбро-диабазы, или красного туфа. Из туфа изготавливают хачкары, надгробия с изображением креста с орнаментом библейской тематики. «Каждый армянин должен иметь свой хачкар», – говорят они. Хачкар – это, в переводе, каменный крест. Просто так вывозить памятники, или заготовки для них, за пределы Союза нельзя. Для таможи нужна справка о том, что памятники выполнены из камня, не представляющего ценности, в том смысле, что камень не является драгоценным или полудрагоценным. А в справках этих все паспортные данные нужно перечислить, да в какой стране проживает или проживал, да как и когда он туда попал. В общем, целый лист. Этим делом поручено заниматься мне. У меня и печать особая есть, – Иванова кивнула в сторону стоявшего в углу солидного сейфа, – вот за такими справками и идут ко мне люди со всей Армении. Ну а чтобы оставалось время для основной работы, я и установила этот регламент.

– Вера Васильевна, а много справок приходится выдавать?

– Когда как, бывает, что в неделю до ста справок, а иногда тридцать, это минимум, – ответила Вера Васильевна, убирая со столика чайные принадлежности. Я, Сергей Николаевич, зайду сейчас к заместителю начальника Управления за допуском для Вас, и мы с Вами пройдем в фонды, так Вам будет проще отобрать нужный материал. Вы мне дайте свое Задание, с ним надежнее, и «форму 1», разумеется.

Через десять минут Славин уже отбирал в фондах карты и описания интересующих его месторождений в Степанаванском районе. Вооружившись копиями нужных документов, в приподнятом настроении Славин вернулся в кабинет Ивановой. Бегло просмотрев схемы, Вера Васильевна предупредила, что эти месторождения базальтов расположены в границах колхозных земель, и что отчуждены они могут быть только с формулировкой «неудобья каменистых пастбищ». Поэтому первым делом Славину потребуется официальное согласие администрации колхоза, и только потом уже можно будет идти в район.

Славин внимательно выслушал все рекомендации и советы Веры Васильевны, собрал все бумаги в сумку.

– Огромное Вам спасибо, Вера Васильевна, у меня теперь есть всё необходимое для работы, завтра уже могу ехать в район.

– Пожалуйста, пожалуйста, Сергей Николаевич, чем могла. Всегда, как говорится, к Вашим услугам. Хочу только предупредить, что дальше Вам будет значительно сложнее.

– Что так? – удивился Славин.

– Я же Вам рассказала про надгробия. А это приличные деньги. Вы ведь не туф собираетесь разрабатывать, а базальт, вот здесь-то и пересекаются интересы ваши, в смысле, строителей, и тех, кто камнем торгует. А теперь это все многократно усложняется в связи с гибелью огромного числа людей. И Вы тоже должны понять создавшуюся обстановку, и где-то, может быть, поискать компромисс.

– Ну, а кто же торгует? Это разве не на государственной основе? – еще больше удивился Славин, – неужели в такой ситуации кто-то будет торговаться?

– Вы знаете, Сергей Николаевич, конечно, существуют какие-то тайные схемы, но я в них, прямо скажу, не заглядываю, не мое это дело. А Вам я от души желаю пройти все этапы, как говорят, без потерь.

Славин еще раз сердечно поблагодарил Веру Васильевну и тут же из ее кабинета по телефону сообщил Калинину, что готов ехать в Степанаван, и договорился, чтобы утром за ним в гостиницу прислали машину. В гостинице Славин застал геодезистов, которые, как и он, за день решили все свои вопросы и тоже готовы были завтра утром отправиться в Степанаван. Поужинали на этот раз у себя в «номере» бутербродами с ветчиной, в большом количестве закупленной геодезистами, и крепким ароматным чаем.

17 декабря. «Все идет хорошо. Еще раз спасибо Борису Грановскому и Орлову. Иванова оказалась из тех геологинь, которым довелось участвовать в основных геологических открытиях нашего века. Она напомнила мне ее ровесницу, Надежду Андреевну, с которой работал на Чукотке. То же открытое лицо, тронутое годами полевой экспедиционной работы, спокойный уверенный взгляд и та же манера курить папиросы „Беломор-канал“, оставшаяся со времен, когда в геологических экспедициях и партиях курили все женщины поголовно, и только папиросы. А в рюкзаках у них, кроме воспетых в песне „самых лучших книг“, всегда был еще запас знаменитой Маршанской махорки. Да, действительно, такое

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.